ИНТЕРАКЦИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА КАК ПЕРЕГОВОРНЫЙ ПРОЦЕСС: ЛИНГВОПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

УДК 32.001

А.В. ЗАЙЦЕВ

Специфика политики заключается в преимущественно дискурсивно-языковом характере ее осуществления. «Политика в некотором смысле – это система человеческих отношений, осуществляемых во многом при помощи языка, – считает известный российский политолог К.С. Гаджиев. – Поэтому без изучения политического языка нет и не может быть политологии...» [4, с. 550]. Дело в том, что «специфика политики, в отличие от ряда других сфер человеческой деятельности, заключается в ее преимущественно дискурсивном характере», поскольку «многие политические действия по своей природе являются речевыми действиями» [16, с. 27]. Поэтому все элементы поля политики, так или иначе, опосредованы политическим дискурсом и политической коммуникацией, отражаются в них и реализуются через язык, дискурс и коммуникацию, которые имеют политическое содержание и политический смысл. Язык политики можно одновременно рассматривать и как надежное средство или инструмент политического влияния, и как среду политического общения, то есть как сферу политической коммуникации и политического дискурса. К тому же политический язык является не только неотъемлемым аспектом политической жизни, выступая инструментом описания политических фактов и явлений, но и существенной частью самих политических событий, формирующей их значения. В связи с этим в современной политологии наблюдается устойчивая тенденция трактовки политического языка и его экстралингвистических инструментов не только как средства отражения политической реальности, но и как способа ее конструирования.

Выступая особым видом политической коммуникации, диалог в условиях увеличения объема, усложнения социальной структуры общества, углубления содержания и расширения разнообразия форм связей и типов политических отношений становится важным, а зачастую и решающим средством, обеспечивающим взаимопонимание на разных уровнях общения разных субъектов политического процесса. Будучи определенной формой политического общения, он обладает своей спецификой, обеспечивающей ему особую роль в организации общественно-политической деятельности государства и гражданского общества. На протяжении минувшего столетия неуклонно возрастала общественно-политическая значимость понятия «диалог». В процессе демократизации российского общества оно существенно трансформировалось и приобретало новые смыслы, эволюционизируя «от первоначальной трактовки диалога как обмена информацией до представления о диалоге как сложном творческом процессе взаимодействия субъектов, носителей двух разных сознаний, разных систем ценностей, разных идейных позиций...», – отмечается в редакционном предисловии к сборнику научных статей «Диалог культур и цивилизаций» [13, с. 5].

Как отмечается в научной литературе, в последние годы концепт «диалог» занял едва ли не центральное место в сфере гуманитарных наук и в социально-политической жизни общества. В качестве субъектов диалога выступают не только индивиды, но и поколения, этносы, конфессии, государства, культуры и цивилизации. «Диалог становится, по-видимому, центральной метафорой нашей цивилизации. Распространение его таково, что практически вся социальная сфера пронизана диалогическими отношениями: диалог культур, диалог политический, диалог межэтнический, диалог духовный» [5, с. 5].

Общественно-политический диалог – неотъемлемая часть современного политического языка, политической коммуникации и политической практики, важнейший атрибут демократической политики и ее надежный инструмент, без которого ни внешнеполитические, ни внутриполитические проблемы разрешить попросту невозможно. Как выше уже отмечалось, общественно-политические изменения, произошедшие в нашей стране, коснулись

и русского языка, в том числе общественно-политической лексики, значительно расширив и обогатив его. Примером такой трансформации служит и «слово «диалог», ныне явно включенное в политический словарь благодаря приобретению им новых значений» [10, с. 41]. Так, Л.Ю. Касьянова отмечает, что «лексическая единица *диалог*», ранее использовавшаяся в значении «разговор между двумя лицами», «была подвергнута переосмыслению, и в настоящее время в политическом дискурсе слово функционирует в новом значении – «переговоры с целью мирного урегулирования конфликта» [8, с. 6]. Для нашего исследования очень важны эти дискурсивные инновации, которые связаны с обогащением концепта «диалог» новыми, ранее не присущими ему семантическими смыслами, уже подмеченными целым рядом ученых-лингвистов.

В отличие от вышеназванного автора О.П. Ермакова утверждает, что в общественно-политических контекстах 1990-х годов появились сразу четыре новых значения прежнего концепта «диалог»: «1) неофициальные переговоры (диалог с оппозицией); 2) дискуссия (манера диалога); 3) договоренность (диалог с руководством завода); 4) общение (развитие нашего диалога с внешним миром). Кроме того, особое значение «диалог» приобретает в деловых кругах, где слово обозначает «сотрудничество» (диалог с фирмой не получился). Слово «диалог» часто употребляется как антоним к слову «конфронтация» (диалог – мирное урегулирование конфликтов)» [10, с. 41].

Действительно, обращение к словарю синонимов показывает, что одним из синонимов понятия «переговоры», которое раньше использовалось исключительно во внешней политике, теперь в качестве его дискурсивного эквивалента используется слово «диалог» [14]. Точно так же, как и синонимом «диалога» теперь выступает дипломатический термин «переговоры» [6].

В словаре-справочнике «Политическая наука» зафиксировано два основных значения термина «диалог»: «1) переговоры, свободный обмен мнениями, напр. политический диалог – форма целенаправленного двустороннего духовного взаимодействия политических субъектов в процессе реализации ими своих прав и полномочий в сфере власти; 2) форма устной речи, разговор двух или нескольких лиц; речевая коммуникация посредством обмена репликами…» [7].

Специалист по теории политических переговоров И.А. Василенко дала такое определение процесса переговоров: *«политические переговоры можно определить как науку и искусство достижения политических соглашений в условиях конфликтного противостояния сторон»* [2, с. 11]. М. М. Лебедева, как и целый ряд других исследователей, также склонна рассматривать переговоры в парадигме конфликта: «переговоры есть не что иное, как преодоленный конфликт сторон» [11, с. 183].

Политические переговоры сегодня все чаще становятся фактом повседневной жизни, способом диалогического взаимодействия разных народов и государств, политических партий и общественных организаций, государства и гражданского общества, которые готовы жить вместе, сотрудничать и рассматривать совместные отношения в терминах диалога, согласия, взаимного уважения и терпимости. С точки зрения В.М. Сергеева, изложенной им в монографии под названием «Демократия как переговорный процесс», наиболее естественной формой принятия решений являются переговоры, синонимичные с точки зрения норм современного русского языка по отношению к обсуждаемому нами понятию общественного диалога. Следовательно, как утверждает автор этой монографии, демократия, понимаемая как подлинное «народовластие», это не электоральные процессы, не политические свободы, не местное самоуправление, многопартийность и не референдумы, а система общественных переговоров, диалог власти и общества. «Каждое правительство может существовать достаточно долго только тогда, когда оно легитимно, то есть, по крайней мере, терпимо для значительного большинства подданных… – пишет В.М.Сергеев, – следовательно, правительство или господствующая элита должны в определенной мере всегда принимать во внимание интересы других групп и слоев общества… Но это можно сделать только в результате некоторого обмена информацией о положении дел с представителями этих групп и слоев. Фактически такой обмен информацией и учет требований выливается в систему переговоров…» [15, с. 16–17]. Институционализация переговорно-диалогового взаимодействия приводит к появлению новых демократических дискурсивных практик. А возникновение системы таких практик, покрывающей собой основные социальные группы и «вводимой в действие в случае обсуждения наиболее

важных для общества проблем», позволяет «говорить о демократической политической системе. При этом предполагается, что демократическая практика затрагивает не только взаимоотношения власти и других социальных субъектов общества, но и взаимоотношения самих этих социальных субъектов – индивидуумов, групп, корпораций, политических партий и т. д.» [15, с. 17]. Такая «эффективная система переговоров между социальными субъектами» позволяет «поддерживать значительный запас легитимности политического режима» [15, с. 17].

Что касается общественного диалога, то его вполне возможно осмыслить как «определенный тип отношений между отдельными группами, которые называются общественными партнерами, с участием государства как партнера диалога или как его гаранта» [8, с. 2]. Или же, с точки зрения более «широкого понимания общественного диалога как формы демократии, которая выходит за рамки трудовых отношений и охватывает все общество» [8, с. 2]. Участниками диалога в более широком смысле являются, прежде всего, различные виды общественных организаций, институтов гражданского общества или негосударственные так называемого «третьего сектора», которые создают важные сегменты для общественного развития и благополучия. В числе субъектов такого широкого диалога входят и государственные органы, властные структуры, политические институты, которые вступают в диалоговую коммуникацию с гражданским обществом в целом или же какими-то его сегментами с целью преодоления непонимания, разрешения конфликтов, координации действий и выработки социально взаимовыгодных значимых политических решений. «Важнейшими понятиями, которые характеризуют суть общественного диалога, являются: переговоры и договоренности, компромиссы, участие и социальное партнерство» [8, с. 2]. Пространством, в котором происходит процесс согласования интересов различных политических субъектов – политический дискурс, является публичная сфера общества.

«Общественный диалог, – по мнению Э.Я. Баталова, – это свободный, перманентный, идущий на равных обмен идеями и взглядами между государством и гражданским обществом, между институтами самого гражданского общества (включая политические движения, партии, общественные организации), между центром и регионами, между верующими и атеистами, между правыми и левыми, между отдельными группами и между индивидами. Но прежде всего – между властями и подвластными» [3]. Общественный диалог – это важнейшая функциональная характеристика общества. Это, прежде всего, диалог гражданского общества и государства. Первое делегирует свои властные полномочия второму, отчуждаясь от постоянного и монопольного отправления властных функций. Можно сказать, что мера цивилизованности политики во многом определяется тем, насколько диалог между гражданским обществом и государством является открытым и равноправным.

При этом очень важно, чтобы субъекты общественного диалога были репрезентативны, то есть обладали бы полномочиями на соответствующую институциональную коммуникацию и были бы автономны, то есть финансово, организационно и политически независимы как от государства, так и от бизнеса, а также от зарубежных спонсоров. Следует помнить, что общественный диалог или переговоры власти и оппозиции – это инструмент, но не цель и не стратегия достижения изменений. Диалог сам по себе не панацея, и его результат зависит от того, насколько его субъекты готовы к полноценному, а не симулятивному парадиалогу.

Особенно велика роль переговоров в случае возникновения каких-либо острых общественно-политических конфликтов или даже социальных кризисов. Здесь способом разрешения конфликта может выступить институт медиации, то есть политического посредничества между противостоящими друг другу сторонами. Медиатор помогает сторонам включиться в диалог, создать соответствующую переговорам социально-психологическую атмосферу, помочь преодолеть реальные и мнимые противоречия и прийти к обоюдной договоренности. «Переговоры нами понимаются как процесс конструктивного диалога, организованный по определенному последовательному алгоритму, – пишет специалист по медиации О.В. Аллахвердова, – диалог между сторонами может быть обеспечен в случае адекватного использования коммуникации, взаимного информирования сторон, просвещения и адекватного использования власти, направленный на выработку взаимных обещаний (обязательств), в результате выполнения которых будут удовлетворены ущемленные интересы сторон» [1, с. 38].

Медиация – это наука и искусство достижения договоренности на основе честного диалога, осуществляющаяся на практике посредством диалога. Медиация представляет собой коммуникативно-дискурсивную способность социума в целом и отдельных его частей приходить в спорах и конфликтах к консенсусу, к паллиативному решению, к выработке взаимовыгодного всем противостоящим сторонам договоренности о дальнейших действиях и процедурах. Государство сегодня всё чаще наталкивается на явное или латентное сопротивление со стороны граждан и институтов гражданского общества, особенно в случае принятия каких-то необоснованных, непродуманных и далеко не всегда взвешенных, ущемляющих чьи-то интересы решений со стороны властей.

Главная задача медиации состоит не в том, чтобы определить правого и виноватого в конфликте, а в том, чтобы привести стороны к взаимопониманию, консенсусу или даже к политическому компромиссу. Общественно-политическая медиация и диалог – важнейшие инструменты развития демократии и ненасильственного осуществления власти. В целях институционализации переговорных процедур 27 июля 2010 года был принят Федеральный закон № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», вступивший в силу с 1 января 2011 года. Однако в настоящее время диалоговая процедура медиации применяется, в основном, лишь для досудебного разрешения гражданских правоотношений, а в социально-политической сфере конфликтной интеракции и общественно-политической коммуникации государства и гражданского общества своего места она еще пока не нашла.

При всем сходстве диалога и переговоров необходимо видеть существующие между ними различия. Переговоры отличает отчетливо выраженный процессуальный аспект: правила, порядок обсуждения и протокол, то есть предварительное соглашение участников о правилах ведения переговоров. Ведение политических переговоров в отличие от других видов политического общения, в том числе от диалога, консультаций, споров и конфликтов – это всегда «прерогатива профессиональных политиков и государственных деятелей, которые хотят убедить политических оппонентов в своей правоте и склонить их к своей позиции» [2, с. 12]. Важным отличием политических переговоров всегда было «соглашение о проведении взаимно выработанного политического изменения: управляемого, сознательного, волевого изменения предшествующего конфликтного политического состояния» [2, с. 12]. И в этом вопросе диалог современного гражданского общества и государства еще только приближается к такому переговорному процессу, где стороны, признавая свою взаимную субъектность, могли бы заключать между собой действенные соглашения об обоюдных действиях, направленных на преодоление внутриполитических проблем и социальных конфликтов.

Переговоры, в отличие от общественного (политического) диалога, как правило, не являются публичными, их цель – достижение компромиссного решения, даже несмотря на серьезность противостояния и разные позиции сторон. Непрямые переговоры могут и вовсе проходить с помощью посредников, когда непосредственные контакты заинтересованных сторон затруднены либо по политическим или по каким-то иным причинам. О конфиденциальных, а тем более о тайных переговорах обычно вообще ничего не сообщается в открытой печати. Иногда, чтобы избежать давления прессы и политических воздействий извне, переговоры ведутся кулуарно, «за закрытыми дверями» и даже в обстановке повышенной секретности. Вопрос о том, насколько политические переговоры должны быть публичными и открытыми, решается в каждом конкретном случае отдельно.

Переговоры могут привести к окончанию конфликта, но они редко меняют взаимоотношения. Диалог же по преимуществу нацелен на изменение взаимоотношений. Переговоры означают наличие сторон, которые уже готовы к достижению соглашения. А в диалог могут вовлекаться стороны, которые еще не созрели к такому компромиссу. Диалог подразумевает конструктивность не только в способах представления своей идеи, но и способность слушать и слышать другую сторону. Результатом диалога, как и в процессе переговоров, также может быть достижение компромисса или какой-то конкретной договоренности. Но в диалоге может быть и другой исход, когда стороны несмотря на состоявшийся обмен мнениями, доводами и аргументами все равно остаются при своем мнении, хотя при этом отношения субъектов не носят характера конфликтного политического противостояния или (информационной) войны. Можно сказать, что переговоры обязательно включают в себя диалог, то

есть обмен мнениями. Но сам диалог – в том числе между государством и гражданским обществом – может включать в себя формализованные переговорные процедуры лишь только в определенных общественно-политических ситуациях.

Можем ли мы такую разновидность общественного диалога, как диалог государства и гражданского общества, рассматривать как политический диалог или, по крайней мере, как его одну из его версий? Чтобы ответить на этот вопрос, следует вспомнить, что Россия – это страна с традиционно сильной государственной властью. На протяжении ее существования государство было не только основным актором политического процесса, но и самым влиятельным участником политических отношений. Оно было тем субъектом власти, значение которого было абсолютным не только в политической жизни, но и во всех других сферах общественных отношений. Среди прочего, это сказалось и на «политизации по самой своей природе неполитических отношений, трансформации присущих им «политических аспектов» в саму политику» [17, с. 161]. Это же относится и к диалогу государства и гражданского общества, который, с одной стороны, является одной из разновидностей общественного диалога, но, с другой стороны, по своему характеру и содержанию, несомненно, является политическим диалогом. «Вступая в диалог с властью, отстаивая права и интересы, гражданские организации неизбежно вступают на политическое поприще, – пишет по этому поводу Л.И. Никовская. – Каждая отдельная организация может быть вполне аполитичной, но гражданское общество не существует вне политики. Более того, оно привносит с собой в политику новые начала, самим своим появлением изменяет принятые традиционными политическими силами правила и представления» [12, с. 55]. Таким образом, диалог государства и гражданского общества – это не только общественный, но еще и политический диалог, во многом уже схожий и все более и более сближающийся с политическими и внутриполитическими переговорами.

1.Аллахвердова, О.В. Медиация – новая коммуникативная практика [Текст] / О.В. Аллахвердова // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Том IX. № 4. С. 31–49

2. Василенко, И.А. Политические переговоры [Текст] / И.А. Василенко: Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М: Инфа-М, 2010. 396 с.

3. Баталов, Э.Я. Место для дискуссий: демократическая гражданственность и общественный диалог [Электронный ресурс] / Э.Я. Баталов // Независимая газета 25.05.2012. URL: http://www.ng.ru/ideas/2012–05–25/5_discussion.html (дата обращения: 15.01.2013).

4. Гаджиев К.С. Политическая философия. М.: ОАО «Издательство «Экономика», 1999. 606 с.

5. Диалог: теоретические проблемы и методы исследования: сб. научно-аналитических обзоров / отв. ред. Н.А. Безменова. М.,1991. 217 с.

6. Диалог // В.Н. Тришин. Словарь синонимов ASIS, 2010. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/37322/диалог (дата обращения: 15.01.2013).

7. Диалог//Политическая наука: Словарь-справочник. Сост. проф. И.И. Санжаревский 2010. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/902/Диалог (дата обращения: 15.01.2013).

8. Дубровина В. Развитие социального партнерства и предпринимательства в условиях рыночной трансформации. URL: http://www.cpoi.narod.ru/downloads/soc-partnerstvo-vera-dubrovina.doc (дата обращения: 15.01.2013).

9. Ермакова О.П. Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 2000. С. 32–65.

10. Касьянова, Л.Ю. Семантическая неологизация в русском языке конца XX – начала XXI века [Текст] / Л.Ю. Касьянова // Вестник ТГПУ. 2006. Выпуск 5 (56). Серия: Гуманитарные науки (филология). С 5–10.

11. Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов. М., 1999. 271 с.

12. Никовская, Л.И. Социальные основания гражданского общества на Западе и в России: состояние и проблемы [Текст] / Л.И. Никовская // Проблемы становления гражданского общества в России. Вып.3. М., 2003. С. 33–58.

13. От редколлегии // Цивилизации. Вып. 7: Диалог культур и цивилизаций. М., 2006. 278 с.

14. Переговоры // В.Н. Тришин. Словарь синонимов ASIS, 2010. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/115026/переговоры (дата обращения: 15.01.2013).

15. Сергеев В.М. Демократия как переговорный процессс. М.: Московский общественный научный фонд, 1999. 148 с.

16.Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... доктора филологических наук. Волгоград, 2000. 440 с.

17. Фельдман Д.М. Политология конфликта. Учеб. пособие. М.: Издательский Дом «Стратегия», 1998. 200 с.